

DOI 10.35775/PSI.2025.74.9.003

УДК 32.323

О.В. БОГАТЫРЕВА

кандидат педагогических наук, доцент
кафедры истории МГУТУ им. К.Г. Разумовского (Первый казачий университет),
Россия, г. Москва

Т.Н. ЛУКИНА

кандидат педагогических наук, доцент
кафедры ЦТО (Цифровые технологии обучения) Педагогический институт СВФУ
им. М.К. Аммосова, Россия,
Республика Саха (Якутия), г. Якутск

Е.Н. СЕМКИНА

кандидат политических наук, доцент
кафедры юридических и гуманитарных дисциплин ГАОУ ВО
«Невинномысский государственный гуманитарно-технический институт»,
кафедры гуманитарных и математических дисциплин Невинномысского
технологического института (филиал СКФУ),
Россия, г. Невинномысск

МОЛОДЕЖНЫЕ СУБКУЛЬТУРЫ В КОНТЕКСТЕ РЕАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ

В статье системно исследуется взаимодействие молодежных субкультур и механизмов реализации государственной молодежной политики в современной России: выявляется проблематика институционализации субкультур в условиях цифровизации и территориальной дифференциации, аргументируется актуальность дифференцированного подхода к поддержке молодежных сообществ ввиду рисков утраты аутентичности и маргинализации при универсальных вмешательствах. В результате анализа показано, что государственная поддержка может выступать как фактор повышения социального капитала и инклюзии молодежи, так и источником формализации, потери творческой автономии и политизации субкультурных практик, что требует перехода от унифицированных мер к гибким, контекстно-чувствительным стратегиям – включая пилотные упрощенные механизмы грантования для самоуправляемых инициатив, платформы для партнерского диалога и партисипативные инструменты оценки влияния вмешательств.

Ключевые слова: молодежные субкультуры, молодежная политика, институционализация, автономия субкультур, цифровизация, мониторинг и оценка, партисипативный подход, Стратегия-2030.

Молодежные субкультуры представляют устойчивые социокультурные образования, формируемые через совокупность ценностей, норм, символики и практик, которые одновременно отражают и проблематизируют существующие общественные структуры. В контексте современной российской молодежной политики они выступают и как индикатор социальных трансформаций, и как активный ресурс для реализации государственных целей, что делает их предметом прикладного и теоретического интереса. Актуальность изучения субкультур обоснована несколькими взаимосвязанными обстоятельствами: 1) во-первых, субкультуры функционируют как поле первичной социализации и самовыражения молодежи, способствуя формированию идентичности и социального капитала; 2) во-вторых, процессы институционализации и государственной поддержки (инфраструктурные меры, грантовые программы, продвижение патриотических и оздоровительных практик в рамках Стратегии до 2030 г.) изменяют характер этих сообществ, порождая дилемму между привлечением ресурсов и утратой аутентичности; 3) в-третьих, цифровизация и миграция активности в онлайн-форматы трансформируют механизмы вовлечения и представления субкультур, что требует адаптации инструментов мониторинга и управления. Цель настоящего исследования – системно рассмотреть взаимодействие молодежных субкультур и механизмов реализации государственной молодежной политики в России с выделением факторов, определяющих продуктивность и рискованность институтов государственной поддержки для субкультурных сообществ,

Субкультура – социокультурное явление, образованное от латинского «sub» (под) и английского «culture» (культура), что буквально указывает на ее позиционирование как «подкультуры», отдельной системы ценностей, норм и практик, существующей внутри доминирующей культуры, но отличающейся от нее по ряду значимых параметров [1. С. 140-143]. Формирование субкультуры происходит через процессы сегрегации и идентификации, основанные на общих интересах, стиле жизни, идеологических убеждениях или протестных настроениях. Характеризуется она своеобразным языком (сленг, жаргон), символикой (одежда, музыка, атрибутика), ритуалами (концерты, встречи, специфические формы общения) и системой социальных взаимодействий, часто противопоставляющих себя нормам и ценностям широкого социума. Процесс формирования не случаен и определяется совокупностью факторов, включая социальную стратификацию (расслоение), противоречия между поколениями, влияние массовой культуры (и ее противодействие), а также реакцию на государственную политику и социокультурное поле [5. С. 30-40].

Молодежь является основным носителем и движущей силой формирования большинства субкультур, что обусловлено психологическими особенностями молодого возраста: поиском себя, стремлением к самовыражению, необходимостью в принадлежности к группе. Субкультура предлагает молодым людям готовый набор ценностей, норм и практик, позволяющих им определить свое место в обществе и выразить индивидуальность в рамках групповой идентичности.

Именно поэтому в рамках государственной политики существует молодежная политика [2. С. 1-6].

Государственная молодежная политика – социокультурный конструкт, призванный оптимизировать социализацию молодого поколения, интегрируя его в социэкономическую систему посредством целенаправленного воздействия на ключевые сферы жизнедеятельности [3. С. 120-136]. Существующая система молодежной политики РФ включает:

1) нормативно-правовые акты (Федеральный закон от 28.06.1995 г. № 98-ФЗ «О государственной поддержке молодежных и детских общественных объединений», Федеральный закон от 24.06.1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних», и, особенно значимый, Федеральный закон от 30.12.2020 г. № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации»);

2) финансово-экономические механизмы;

3) организационно-управленческие структуры (федеральные, региональные и муниципальные органы);

4) информационно-аналитические инструменты мониторинга и прогнозирования, кадровое обеспечение и научно-исследовательскую базу.

На начальном этапе (1990-е гг.) государственная молодежная политика сосредоточивалась преимущественно на социальной защите и предотвращении девиантного поведения молодежи [4. С. 74-88]. В последующие годы произошел переход к более интегративному подходу, включающему стимулирование образования, трудовой занятости и предпринимательской активности. В настоящее время наблюдается тенденция к усилению патриотического воспитания, активизации волонтерской деятельности и развитию международного сотрудничества.

На данный момент в РФ существует стратегия реализации молодежной политики до 2030 года [6]. Цель стратегии – формирование к 2030 году системы молодежной политики в РФ, ориентированной на соблюдение прав, свобод и законных интересов молодых граждан, улучшение их социально-экономического положения, активное привлечение к участию в государственном строительстве и развитии современного российского общества. Так, согласно утвержденной Стратегии на период до 2030 года необходимо:

– развитие традиционных российских ценностно-смысловых и нравственных ориентиров, гражданственности и патриотизма в молодежной среде;

– создание для молодых семей благоприятных условий, направленных на повышение рождаемости, формирование ценностей семейной культуры;

– формирование системы ценностей ЗОЖ в молодежной среде, обеспечение социальных гарантий молодежи, содействие ее образованию, научной, научно-технической и творческой деятельности;

– профессиональное развитие молодежи, содействие ее занятости, трудоустройству, в том числе на предприятиях агропромышленного сектора, и предпринимательской деятельности, повышению уровня финансовой грамотности;

- противодействие деструктивному поведению молодежи, ее правовое просвещение и информационная защита;
- создание условий для развития молодежного добровольчества, молодежных и детских общественно-государственных и общественных объединений, органов молодежного самоуправления;
- совершенствование системы управления и инфраструктуры в сфере молодежной политики.

Исходя из вышесказанного, необходимо отметить, как в контексте реализации государственной молодежной политики функционируют молодежные субкультуры.

В условиях российской молодежной политики последних десятилетий (формирование институтов, создание молодежных центров, поддержка клубной сети и межведомственное вовлечение) субкультурные сообщества получают материальные и организационные ресурсы, способствующие расширению их видимости и масштабирования положительных практик (волонтерство, творчество, профессиональные хабы). Данный механизм оправдан: государственные структуры через инфраструктуру и финансирование превращают локальные практики в общественно полезные программы, повышая социальную мобильность молодежи и снижая риски маргинализации. Вместе с тем институционализация несет риск формализации и утраты аутентичности субкультур, когда их роль сводится к поставке «социально приемлемого» контента для реализации государственных целей.

Одна из явных линий государственной молодежной политики – профилактика девиантного поведения и воспитание патриотизма; эти цели трансформируют государственное отношение к субкультурам: те из них, которые воспринимаются как поддерживающие социальный порядок и «традиционные ценности», получают поддержку и легитимацию, тогда как радикальные или контркультурные практики подвергаются регулированию либо маргинализации. Такая селекция обоснована задачами общественной безопасности и консолидации, но методологически вызывает дилемму: чрезмерный контроль подавляет творческий потенциал и повышает конфликтность молодых групп, тогда как мягкая интеграция (партнерские программы, диалоговые площадки) позволяет перенаправить энергию субкультур в конструктивные каналы.

Кроме прочего, субкультуры являются резервуаром политического и социального капитала: через сетевые и офлайн-сообщества формируется активизм, волонтерские инициативы и инновационные проекты, которые государство может вовлечь в реализацию программ занятости, образования и культуры. Современные стратегии (Концепция 2025 г., открытые клубы, межведомственные комиссии) создают каналы для такой мобилизации, но их эффективность прямо зависит от учета цифровой среды и социальной дифференциации: часть молодежи мигрирует в онлайн-контент и гибридные формы субкультур, другая – остается в маргинальных локальных группах с ограниченным доступом к ресурсам. Следовательно, государственная поддержка должна быть дифференцированной,

а то есть сочетать институциональные инструменты с грантами для самоуправляемых инициатив, платформами для диалога и мерами по преодолению экономических барьеров, чтобы не только инструментализировать субкультуры, но и раскрывать их потенциал для инноваций и социального капитала.

Так, симбиоз государственной молодежной политики и субкультур – двунаправленная связь: политика предоставляет ресурсы, институциональные рамки и каналы легитимации, а субкультуры дают обществу творчество, инициативу и адаптивные практики. Однако здоровая симбиозная модель возможна лишь при уважении автономии молодежных сообществ и при признании их роли не только как исполнителей государственных задач, но и как соавторов политики. Нам кажется, что оптимальная стратегия – гибкая поддержка (финансовая и организационная), платформа для диалога и минимальные бюрократические барьеры; тогда субкультуры останутся источником социальной креативности, а политика – эффективным инструментом интеграции без подавления самобытности.

В результате, становится очевидно, что молодежные субкультуры в современных российских условиях выступают одновременно и ресурсом, и объектом государственной молодежной политики, причем их роль и значимость неоднородны и зависят от уровня цифровизации, территориальной специфики и степени институциональной автономии. Государственные инструменты (нормативно-правовые акты, инфраструктурная поддержка, финансовые механизмы и коммуникационные практики) способны усиливать социальную интеграцию молодежи, повышать ее социальный капитал и трансформировать локальные культурные практики в общественно полезные инициативы. Однако институционализация несет и системные риски: формализация и «упаковка» субкультур под требования государственной повестки приводит к утрате аутентичности, снижению доверия и политизации творческой энергии, что в долгосрочной перспективе уменьшит инновационный потенциал и увеличит вероятность маргинализации тех групп, которые не вписываются в официальные критерии «приемлемости». Исходя из этого, ключевой вывод политики и практики – необходимость перехода от унифицированных мер к дифференцированным, гибким и контекстно-чувствительным механизмам поддержки, которые сохраняют пространство для саморегуляции и соавторства молодежи в процессе выработки инициатив; без такой переориентации государственные программы рискуют не только снизить эффективность вмешательств, но и усилить противоречия, которые субкультуры изначально отражают и в которых содержится потенциал для социальной модернизации.

Второй заключительный вывод касается методологии мониторинга и оценки эффектов взаимодействия «государство – субкультура» и практических рекомендаций для реализации Стратегии до 2030 года: для адекватной политики необходима система комплексного наблюдения, объединяющая качественные этнографические исследования, цифровой трейс-анализ, контент-аналитику и репрезентативные опросы, а также механизмы вовлечения самих

субкультурных сообществ в дизайн и оценку вмешательств (партнерский и партисипативный подход). Практически это означает внедрение пилотных программ с упрощенными процедурами грантования для самоуправляемых инициатив, создание платформ для диалога и обратной связи, подготовку модульных инструментов оценки влияния на автономию и креативность, а также разработку этических протоколов, гарантирующих неприкосновенность культурных практик и предотвращение стигматизации. В научном и управленческом плане приоритетом остается формирование гибкой модели, которая сочетает институциональную поддержку и уважение к культурной самобытности молодежи.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. **Алимова О.В.** Современные субкультуры: понятие и особенности // Социология. 2018. № 3.
2. **Андросов А.А.** О специфике современной субкультуры молодежи // Культура. Духовность. Общество. 2014. № 15.
3. **Кочетков А.В.** Государственная молодежная политика: поиск интегративной модели управления // Наука. Культура. Общество. 2023. № 3.
4. **Лиходей Е.М.** Разработка молодежной политики Российской Федерации в 1990-е гг. // Государственное управление. Электронный вестник. 2023. № 96.
5. **Петрова Ю.А.** К проблеме сущности и типологии субкультур // Гуманитарные и социальные науки. 2010. № 1.
6. Распоряжение Правительства РФ от 17.08.2024 № 2233-р (ред. от 08.05.2025) «Об утверждении Стратегии реализации молодежной политики в Российской Федерации на период до 2030 года».

O.V. BOGATYREVA

Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor
of the History Department, K.G. Razumovsky Moscow State University of Management
and Technology (First Cossack University),
Moscow, Russia

T.N. LUKINA

Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor
of the Digital Learning Technologies Department, M.K. Ammosov
North-Eastern Federal University Pedagogical Institute,
Yakutsk, Russia

E.N. SEMKINA

Candidate of Political Sciences, Associate Professor
of the Legal and Humanities Department, Nevinnomyssk State
Humanitarian and Technical Institute, and the Humanities and Mathematics
Department, Nevinnomyssk Technological Institute
(branch of NCFU), Nevinnomyssk, Russia

YOUTH SUBCULTURES IN THE CONTEXT OF THE IMPLEMENTATION OF STATE YOUTH POLICY

The article systematically examines the interaction of youth subcultures and mechanisms for the implementation of state youth policy in modern Russia: The article identifies the problems of institutionalization of subcultures in the context of digitalization and territorial differentiation, and argues for the relevance of a differentiated approach to supporting youth communities due to the risks of loss of authenticity and marginalization with universal interventions. The analysis shows that government support can act as a factor in increasing social capital and youth inclusion, as well as a source of formalization, loss of creative autonomy and politicization of subcultural practices, which requires a shift from unified measures to flexible, context-sensitive strategies, including pilot simplified grant mechanisms for self-managed initiatives, platforms for partnership dialogue and participatory tools for assessing the impact of interventions.

Key words: youth subcultures, youth policy, institutionalization, autonomy of subcultures, digitalization, monitoring and evaluation, participatory approach, Strategy 2030.